

Глава 3. Полёт на одном мече

Ши Цинъянь, стиснув зубы, терпел мучительную боль, пока вода в бочке не стала совершенно мутной. Лишь тогда он, опираясь на край, осмелился подняться.

Пересоздание меридианов походило на то, как если бы с него заживо содрали кожу и вытянули сухожилия, а затем вновь вплели их в плоть. Подобная боль была не под силу обычному человеку. Юноша, дрожа, обхватил себя за плечи. На мгновение ему показалось, что он умрёт прямо здесь.

Но присутствие того, другого, вселяло странную уверенность.

«Из-за этого человека я почему-то верю, что со мной всё будет в порядке. Словно... он обладает врождённой силой, заставляющей людей преданно верить ему»

Все необходимые для отвара ингредиенты лежали рядом с бочкой. Цин Чаньюй велел ему самостоятельно менять их каждые два часа. Хотя Ши Цинъянь и понимал, что восстановление меридианов — процесс нелёгкий, но, меняя травы, он всё же был ошеломлён ценностью содержимого корзины.

Он родился в знатной семье и умел распознавать сокровища. Одного взгляда хватило, чтобы опознать не только редчайшую травяную многоножку, но и девятикратный ледяной лотос из запретных снежных земель, и бесценную траву возвращения души, которую невозможно было купить ни за какие деньги...

Юноша невольно поднял взгляд в сторону своего спасителя.

Две комнаты не были разделены полностью — их разграничивала лишь ширма из шёлка, на которой была вышита цветущая груша. Сквозь тонкую ткань смутно виднелся белоснежный силуэт Цин Чаньюя.

Тот, кто его спас, действительно был тем самым Цин Чаньюем. Гением, некогда перевернувшим весь мир заклинателей... О нём ходили бесчисленные легенды. Даже когда молва превратила его в демона, с его именем всё равно связывали множество романтических и трагических историй.

«Почему он спас меня?»

Боль терзала тело, словно мириады крошечных насекомых. Ши Цинъянь вновь погрузился в воду, и новый виток мучений начался. Он не смел подолгу смотреть на Бессмертного Владыку, боясь потревожить его медитацию, но взгляд то и дело возвращался к ширме.

В конце концов, он заставил себя опустить глаза и сосредоточился на изображении

полураскрытого цветка груши. В расплывчатом фокусе силуэт цветка сливался с фигурой сидящего в позе лотоса мужчины, создавая образ туманный и неземной.

[Задание 1: Очистить меридианы и начать совершенствование заново (82%... 100%)]

[Задание 1: Очистить меридианы и начать совершенствование заново (выполнено)]

[Награда зачислена]

На следующее утро Ши Цинъянь принял уже третью лечебную ванну.

Как и подобало Дитя удачи, его способность к восстановлению была поистине поразительной. Выносливость тоже была на высоте — Цин Чанъюй, медитируя в своей комнате, не услышал ни единого стога.

«Неплохая сила воли»

Тёплый, мягкий поток духовной энергии, подобный струе воды, влился в тело Ши Цинъяня и потёк по его жилам. Цин Чанъюй начал приводить их в порядок.

Позволить чужой духовной силе циркулировать в собственном теле требовало огромного доверия. У юноши прежде не было такого опыта, и он мог лишь изо всех сил стараться расслабиться, чтобы не навредить себе. К его удивлению, несмотря на грозную славу наставника, его духовная энергия оказалась невероятно мягкой и чистой, что совершенно не вязалось с его отстранённым и гордым нравом.

Когда процесс был завершён, задача по очищению меридианов считалась полностью выполненной.

— Твоему телу нужно несколько дней на восстановление, — произнёс Цин Чанъюй, прерывая попытку подопечного немедленно начать впитывать духовную энергию. — Немедленно приступать к совершенствованию нельзя.

Он добавил, что отсутствие тренировок не означает безделье. Это время можно было посвятить изучению канонов, трактатов и техник.

Ши Цинъянь вырос в знатной семье заклинателей, и обычные книги были ему доступны с ранних лет. Он начал своё обучение в три года и прочёл немало классических текстов. Но раз уж ему предстояло учиться сейчас, то следовало дать ему то, чего не найти простому человеку.

Если говорить о великих заклинателях, которых знал Цин Чанъюй, их было не счесть. Но сейчас, когда он задумался, к кому можно обратиться, на ум пришёл лишь один вариант. В

прошлой жизни у него был друг, страстно собиравший всевозможные книги. Девять из десяти техник, что изучал Бессмертный Владыка, хранились в его коллекции.

Обитель его друга называлась Девятирусной Башней и парила в небесах над Восточными землями. Ши Цинъянь был ещё слишком юн, а его каналы повреждены, так что лететь на мече в одиночку ему было нельзя.

Цин Чаньюй подхватил юношу и поставил его перед собой на Ши Сюэ, велел обхватить себя за талию. Ши Цинъянь, очевидно, никогда не летал с кем-то вместе. Он растерянно замер, не зная, что делать. Смущение на его лице наконец-то придало ему немного детской непосредственности, вытеснив страдание и скорбь.

— Держись крепче, не то упадёшь.

Рука Цин Чаньюя, свободная от сотворения печатей, легла на затылок Ши Цинъяня, прижимая его ближе к себе. Ноздри наполнил чистый, прохладный аромат с лёгкой сладковатой ноткой. Сердце юноши бешено заколотилось, а руки, обхватившие талию наставника, мелко дрожали.

Система в сознании Цин Чаньюя безостановочно спамила:

[Как грязно!]

[Пусть немедленно уберёт руки!]

[Чаньюй, не позволяй ему прикасаться к себе!]

Раздражённый Цин Чаньюй просто отключил ей доступ к чату. Ши Цинъянь, прижимаясь к нему, поднял голову и тихо спросил:

— Братец Чаньюй, куда мы летим?

— В Девятирусную Башню.

Из десяти долей мудрости мира, девять хранятся в высокой башне.

Девятирусная Башня, прославившаяся торговлей информацией и редкими книгами, была одной из Девяти Великих Сект. Она парила высоко в небесах над Восточными землями, а её владыка никогда не показывался на публике. Лишь немногие избранные видели его истинное лицо.

Девятиярусная Башня

В небесах Восточных земель возвышалось огромное строение с золотыми карнизами и нефритовой черепицей. Окутанная облаками, с курлыкающими в вышине бессмертными журавлями, башня походила на обитель богов.

Ши Сюэ остановился у девятого яруса. Этот уровень был отделён от нижних восьми огромным разрывом; внизу расстиралось лишь море туманных белых облаков. Если бы кто-то стоял на первом ярусе, он не смог бы даже разглядеть вершину. Именно этот девятый ярус и был настоящей Девятиярусной Башней.

Простым заклинателям сюда было не добраться. Множество защитных формаций, почувствовав чужака, немедленно активировались. Ши Цинъянь с трудом дышал, оцепенев на мече. Цин Чаньюй накрыл его защитным барьером, чтобы ослабить давление, и юноше стало немного легче.

Бессмертный Владыка направился к входу. Бесчисленные барьеры не причиняли ему вреда, лишь расходились золотистыми волнами. Стражи-журавли, кружившие вокруг башни, мелодично курлыкали, не выказывая ни малейшей агрессии. Цин Чаньюй походя погладил одного по спине, словно старого знакомого.

Он уверенно ступил на глазурованную черепицу и согнутым пальцем постучал в окно. Раздался тихий, мелодичный звон.

— Владыка, почему бы не проветрить комнату?

Окно резко распахнулось изнутри, выпустив облако целебных ароматов, за которым последовал приступ долгого кашля. Цин Чаньюй просунул руку внутри и коснулся человека, то ли успокаивая, то ли поглаживая, как любимого питомца.

— А я уж было подумал, неужели ты на меня обиделся?

Кашель прекратился. Человек внутри крепко схватил его за руку и по слогам произнёс:

— Цин. Чан. Юй.

— Это я, — Цин Чаньюй усмехнулся. — Сюрприз, не так ли?

Характер у него был не из лёгких. Он всегда вёл себя так, как ему вздумается, заставляя окружающих одновременно любить и ненавидеть его.

Владыка Девятиярусной Башни, Суй Цзяньюй, был одним из немногих, кого Цин Чаньюй мог назвать другом. Спокойный, с врождённой хворью, он был неспособен на грубость — тихий, надёжный и такой слабый, что рядом с ним было спокойно. Не нужно было опасаться, что однажды он внезапно выхватит меч и затеет смертельную игру.

То, как он сейчас мёртвой хваткой вцепился в его руку, с покрасневшими глазами повторяя его имя, было, вероятно, самым бурным проявлением эмоций в жизни Суй Цзяньюя. А подобных людей дразнить было интереснее всего.

Цин Чаньюй нарочно просунулся в окно и, приблизившись, прошептал:

— Скучал по мне? — он протянул руку, чтобы поправить его сползшую верхнюю одежду. — Что-то ты похудел...

— Цин Чаньюй!.. — Суй Цзяньюй не отпускал его руку, словно пытаясь что-то сказать, но снова повторил лишь: — Цин Чаньюй...

Больше пятидесяти лет они не виделись, и как он мог вот так, как ни в чём не бывало, появиться перед ним, не упоминая ни слова о прошлом? Словно всё, что случилось, не имело никакого значения.

Суй Цзяньюй подавил бушующие в душе эмоции и почти процедил сквозь зубы:

— Цин Чаньюй, ты хочешь, чтобы я, как и все остальные, сошёл с ума?

Он почти поверил, что этот человек навсегда исчез из мира. Во время их последней встречи тот клялся, что не умрёт. Но прошли вёсны и зимы, пятьдесят лет минуло в безмолвии. Суй Цзяньюй гадал, вопрошал оракулов, но все предсказания твердили одно: Цин Чаньюй мёртв, и от его души не осталось ни следа. Тогда он понял, что его обманули.

Рука Суй Цзяньюя сжалась сильнее. Он и сам не понимал, что творится в его душе, лишь чувствовал, как грудь сковывает онемение, а в горле поднимается запоздалая горечь. Ведь и он сам был близок лишь с одним человеком.

Владыка Девятиярусной Башни был слаб от рождения. Десятки лет он прожил под защитой бесчисленных барьеров, и никто из посторонних не мог к нему приблизиться. За все эти годы — лишь один Цин Чаньюй.

Сотни лет назад, в один из обычных дней, явилась фигура в алых одеждах, ступая по облакам. Этот человек прорвался сквозь все барьеры, с трудом открыл окно владыки лишь для того, чтобы небрежно бросить ему несколько редчайших древних трактатов и с улыбкой спросить:

— Вижу, владыка всегда один. Не желаешь составить мне компанию?

Никто не мог ему отказать. Суй Цзяньюй почти поверил, что это была милость небес. Но небеса так же стремительно отняли свой дар.

Пятьдесят лет назад алые одежды Цин Чаньюя пропитались кровью. Капли падали на глазурованную черепицу, оставляя извилистые багровые следы. На его белоснежной коже зияли уродливые раны. Тот протянул руку, одним движением нанёс новый порез и усмехнулся:

— Кто-то жаждет моей крови. Так уж лучше пусть она достанется тебе.

Кровь бессмертного дарует долгую жизнь; она предопределила то, что вся последующая жизнь Суй Цзяньюя будет неразрывно связана с Цин Чаньюем. Густая кровь, странный аромат, влажное тепло — всё это навсегда застыло в его памяти как последнее воспоминание.

[Активирован персонаж: Суй Цзяньюй]

[Уровень благосклонности: 100]

Ветер на вершине башни трепал алую ленту в волосах Цин Чаньюя. Несколько тёмных прядей выбились из причёски и легко касались его ключиц. Прекрасное лицо осталось таким же, как и прежде — пережитые невзгоды ничуть не умалили его беспечного изящества.

Цин Чаньюй отодвинулся в сторону, открывая вид на юношу, стоящего на мече, и обратился к другу:

— Подобрал тут одного. Окажешь услугу?

Ши Цинъянь вовремя шагнул вперёд и поприветствовал владыку башни, а затем слегка придвинулся к наставнику, словно ища защиты. Суй Цзяньюй запахнул верхнюю одежду и холодно усмехнулся:

— А ты снова преисполнился доброты.

Хозяин башни, не выходя из дома, знал обо всём, что творится в мире. Как он мог не узнать в этом юноше наследника клана Ши, который должен был быть мёртв?

«Ах, Цин Чаньюй, Цин Чаньюй... почему ты всегда связываешься с проблемными людьми?»

Собеседник развёл руками и лениво протянул:

— Ничего не поделаешь. Слишком уж я добрый.

Девятиярусная Башня знала всё, а её девятый ярус хранил бесчисленные тайные техники. Любая из этих книг во внешнем мире стояла бы состояние. Цин Чаньюй не считал себя здесь чужим. Одним движением он притянул к себе из воздуха стопку редчайших трактатов. Десятки томов аккуратно легли на пол.

Он повернулся к Ши Цинъяню:

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы выучить это наизусть?

— Десяти месяцев будет достаточно, — ответил тот.

— Три месяца, — отрезал наставник.

Суй Цзяньюй, услышав это, удивлённо посмотрел на него. Если и был в мире кто-то, чья память могла сравниться с памятью владельца башни, то это был Цин Чаньюй. За три месяца он мог запомнить всё здесь до единого слова. Но что делало его ещё более выдающимся, так это чудовищный талант. Любую технику, которую он запоминал, он вскоре постигал и применял на практике.

Иногда его безграничный дар вызывал суеверный страх. Он был подобен птице с переливающимися крыльями — рождённый прекрасным, чтобы все могли им любоваться, но никто не мог владеть им единолично.

— Через три месяца начнёшь полноценные тренировки, — безапелляционно заявил Цин Чаньюй. — Через три года у тебя будет шанс отомстить.

Месть нужно подавать незамедлительно. Все эти разговоры о том, что «десять лет не поздно» — удел слабаков.

Ши Цинъянь, устыдившись, опустил голову.

— Да. Младший справится.

Обитель Суй Цзяньюя была идеальным местом: уединённая, с хорошими условиями и кучей тайных знаний. Настоящий детский сад для Дитя удачи.

Раздался звон колокольчика. Слуги уже приготовили комнату и увели юношу вместе с книгами. В помещении остались только двое.

Чайные листья раскрывались в чашке, и их аромат наполнял воздух. Он переплетался с запахом, исходящим от Цин Чаньюя, принося умиротворение. Бессмертный Владыка слегка склонил голову, сдувая чайники. Казалось, пятьдесят лет боли были всего лишь сном.

У Суй Цзяньюя в горле застряли тысячи слов, но в итоге он лишь произнёс:

— Алые одежды идут тебе больше.

Цин Чаньюй выглядел неотразимо в ярких нарядах. Нынешнее скромное одеяние придавало ему вид слишком серьёзный, напоминая о временах былого величия. Тот в ответ лишь протянул руку. Мол, если так нравится, так дай мне что-нибудь.

Суй Цзяньюй был хорошо знаком с этой его бесцеремонной манерой. Только сейчас он по-настоящему ощутил, что друг действительно вернулся.

— Твоих старых одежд у меня нет.

Цин Чаньюй цокнул языком:

— Жадность.

Суй Цзяньюй усмехнулся, и даже болезненная бледность на его лице, казалось, немного отступила.

— Алое одеяние с вышитыми золотом облаками и узором таоте не сохранилось, но другие найдутся. Заодно, чтобы И Ванчэнь тебя не узнал и не схватил.

Цин Чаньюй кивнул:

— ...Кто это?

Собеседник на мгновение замер, а затем разразился смехом:

— Ха-ха-ха, столько лет он преследовал тебя, столько сил потратил, собирая людей, чтобы загнать тебя в могилу, а ты даже имени его не помнишь! Вот умора.

Договорив, он снова почувствовал укол сочувствия. Этому человеку действительно не было дела ни до кого.

Из рассказа Суй Цзяньюя Цин Чаньюй узнал, что этот И Ванчэнь — нынешний первый номер в мире, следующий Дао Бесстрастия и ненавидящий зло. Он коснулся меча. Ему не терпелось сразиться.

Голос Системы тут же прозвучал в его голове:

[Предупреждение]

[Первого в мире должно победить Дитя удачи, Ши Цинъянь. Носителю запрещено вмешиваться]

Тц.

Цин Чаньюй скривился. Скука. Он поставил чашку на стол. Очевидно, чаепитие ему наскучило.

— Присмотри за Ши Цинъянем. Я заберу его позже.

— Не волнуйся, и волоса с его головы не упадёт.

Услышав это, Цин Чаньюй с пониманием заметил:

— Ну, если учить книги, то выпадение волос — это нормально.

Суй Цзяньюй поперхнулся. Необъяснимая горечь в груди отступила. Он раздражённо рассмеялся:

— Кто с тобой шутит? Что ты ещё удумал?

Цин Чаньюй погладил Ши Сюэ и тоже улыбнулся:

— Конечно же, найти хороший меч. Чтобы рубить людей было сподручнее.

<http://bllate.org/book/16005/1506831>